

Фен Тэззй

Амедзй

ПОВЕРНУТОЕ ВРЕМЯ

RUGRAM

Москва
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф98

Фэн Тезий

Ф98 Амелия. Повёрнутое время / Фэн Тезий. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 262 с.

ISBN 978-5-521-92640-4

Англия. 19 век. Амелия Ричардс — богатая наследница. Она должна была стать счастливой, но судьба раз за разом посылает ей жестокие испытания. Амелию может спасти только ее дар — перемещаться назад во времени с помощью воспоминаний. Вот только пробудить этот дар может или Любовь, или Смерть.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92640-4

© Фэн Тезий, текст, 2022
© Олег Кудряшов, обложка, 2022
© Олег Кудряшов, иллюстрации, 2022
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Глава 1

На улице ярко светило августовское солнце. Его лучи пытались проникнуть в окно и залить всё ярким светом, но дикая яблоня преграждала им путь. Иногда лёгкий ветер качал ветви, и тогда солнечные блики прорывались между листьями и начинали плясать на подоконнике и на полу. Наблюдать за бессмысленной игрой солнечных зайчиков – это, пожалуй, единственное развлечение, оставшееся Амелии Глор. Ей запретили даже заниматься вышиванием.

Впрочем, Амелия считала, что ей ещё повезло, ведь вместо лечебницы для душевнобольных она могла оказаться в тюрьме за убийство мужа. К счастью для неё, суд признал, что девушка не стреляла из кольта, а доктора подтвердили, что её психическое состояние требует лечения.

Лечение. Это слово навевает панический страх. Доктор Конорс очень добр к Амелии. Пока он применял только щадящие меры. В первые дни пребывания в лечебнице её поили специальным отваром, вызывающем сильную тошноту. Доктор говорил, что это будет способствовать отвлечению больной от дурных мыслей и страхов.

Для этой же цели применялись и компрессы со жгучей мазью. Чтобы девушка не смогла сорвать с себя пропитанные лекарством бинты, её привязывали к кровати ремнями. Когда Амелия не выдерживала боли и начинала кричать, ей в рот вставляли кляп. Мучения продолжались несколько часов, потом обессиленную пациентку развязывали, убирали компрессы и смывали остатки мази.

Предполагалось, что после такого лечения наступит усталость и сон будет крепким, но Амелия, напротив, долго не могла успокоиться. Кожа после мази нещадно зудела, а на тех местах, где были ремни, выступали синяки. Когда молодая женщина наконец-то забывалась в тревожной полудрёме между сном и явью, к ней начинали приходить видения и слышался голос. Он пугал

Амелию. Иногда ей казалось, что она слышит давно умершую мать, а порой девушка ясно осознавала, что это её собственный голос, но каждый раз он просил только об одном.

Зачем он мучает её? Зачем уговаривает сделать то, что она выполнить не в силах? Её дар перестал действовать. Какая-то тёмная сущность не позволяет вернуться в прошлое, хочет завладеть душой девушки. Эта тьма преследует её всю жизнь, не давая поступать так, как хотелось бы, превращая в безвольную, послушную куклу.

После таких навязчивых снов молодая женщина вскакивала с кровати и начинала неистово молиться. Она боялась, что, возможно, это дьявол говорил с ней ночью. Наверное, он задумал нечто ужасное. Видимо, так и становятся одержимыми. Она совершила убийство – вот Зло и смогло проникнуть в её душу.

Нужно было бы признаться доктору Конорсу, что её одолевают нечестивые сны, попросить, чтобы он привёл священника, но так страшно! Вдруг доктор решит, что голос, появляющийся в её голове – это результат сумасшествия?

Психиатрическая клиника доктора Конорса располагалась в четырёх корпусах. Самым большим зданием был корпус «Дельта». Он находился в глубине сада и был окружён дополнительным забором. Там как раз лечили запущенные случаи сумасшествия. И хоть это отделение скрывали высокие кроны деревьев и ограждение, но они не могли препятствовать ужасным крикам, доносящимся оттуда.

До Амелии доходили слухи, что в корпусе «Дельта» применяются очень жёсткие методы лечения, сравнимые со средневековыми пытками. Говорили, что в некоторых палатах там находятся по две-три дюжины больных, которых приковывают к кроватям, а за непослушание стегают плётками, а самым безнадёжным делают трепанацию черепа, чтобы «проветривать» мозг от плохих мыслей. Амелии совсем не хотелось проверять достоверность спле-

тен на своём опыте. Она решила, что, пожалуй, будет лучше не рассказывать доктору о ночном голосе.

Корпус «Бета», в котором располагалась комната Амелии, медперсонал клиники в шутку называл «Королевскими покоем». Тут было всего шесть апартаментов, по три на каждом из двух этажей. За привилегированными больными закрепляли личную сиделку и двух санитаров. Лечение в «Королевских покоях» стоило больших денег, но и отношение персонала было соответствующим.

Но даже среди самых важных пациентов корпуса «Бета», Амелия была, пожалуй, самой обласканной вниманием и заботой. Всё это благодаря доктору Конорсу. Когда-то отец Амелии служил в городском управлении и очень помог Стиву Конорсу с открытием этой самой лечебницы.

Доктор оказался благородным человеком, ценящим помощь и умеющим отдавать долги. Когда он узнал, что дочь его покровителя попала под суд, то первым бросился на защиту Амелии и настоял, чтобы её отправили именно в его лечебное учреждение. Но хоть он и проявлял к ней почти отеческую заботу, Амелия всё же боялась полностью довериться целителю.

Когда-то в детстве она была наивной и беспечной. Мир казался сотканным из яркого света. Рядом находилась мама, добрая нянюшка Агата, много игрушек, веселья и радостных открытий. Девочка готова была доверять людям. Но потом всё стало рушиться.

Сначала умерла мама. Это произошло внезапно. Вечером она поцеловала дочку, пожелав ей сладких снов, а наутро не проснулась. Врачи сказали, что у неё просто остановилось сердце. Амелия долго не могла поверить в это. Несмотря на уговоры и крики няни, девочка каждое утро бежала к спальне матери и стучала в дверь кулачками, рыдая и упрашивая впустить её. Но никто ей не открывал. С тех пор всё вокруг Амелии словно заволокло тёмной пеленой, которая с трудом пропускала яркие краски. Девочке

даже казалось иногда, что тьма эта имеет странную форму, похожую на кляксу с вытянутыми щупальцами. Именно такой образ иногда виделся ей во снах, вызывая приступы паники и заставляя просыпаться в холодном поту.

Отец тоже постепенно стал отдаляться от дочери. Если раньше он находил время, чтобы побыть с женой и «Рыжей тыковкой», как они называли Амелию, то теперь всё чаще пропадал на службе, даже в выходные. Наверное, он пытался таким образом заполнить пустоту в сердце работой, помощью другим людям и не замечал, что дочь страдает без него.

Амелия пыталась привлечь внимание папеньки и уговорами, и слезами, но его глаза тоже как будто заволокло туманом. Он смотрел на свою «Рыжую тыковку», но словно не видел её. Взгляд его оставался отстранённым и безразличным. Любые эмоциональные проявления дочери он стал считать «неприемлемыми капризами избалованного ребёнка» и нанял гувернантку мисс Торндайк.

– Пора Амелии начинать взрослеть, – объяснял он гувернантке. – Я хочу, чтобы вы сделали из этой девочки настоящую благовоспитанную и утончённую леди. Мне придется много времени проводить на службе, да и чему может научить мужчину свою дочь? Я полностью передаю её воспитание в ваши руки.

С приходом новой учительницы жизнь девочки стала почти невыносимой. Мисс Торндайк гордилась тем, что за свою жизнь смогла наставить на истинный путь множество детей с испорченным характером. Она взялась за «исправление» Амелии с завидным рвением. Мистер Ричардс был очень великодушен, позволив поселиться наставнице дочери в своём доме, чтобы воспитание ребёнка не прерывалось ни днём, ни ночью.

Первым делом гувернантка известила воспитанницу, что много кушать, спать, говорить и улыбаться – это чрезвычайно вредно для здоровья. Лишняя

еда забивает кишечник, долгий сон – провоцирует возникновение пролежней, продолжительная болтовня утомляет язык и горло, а улыбка приводит к растяжению кожи на лице, отчего потом непременно возникнут отвратительные морщины. У самой мисс Торндайк как раз были такие глубокие морщины, особенно когда она недовольно поджимала губы, но ведь ей приходилось много говорить, чтобы научить «несносных детей» уму-разуму.

Если свои губы учительница ещё и могла признать несовершенными, то всё остальное в себе она считала идеальным и говорила, что добьётся такого же совершенства от Амелии. Девочка очень боялась этого. Ей совсем не хотелось становиться такой же старой, худой и костлявой, как мисс Торндайк. Часто воспитанница подбегала утром к зеркалу и разглядывала своё отражение: не появились ли у неё морщины и впалые щёки, не стала ли кожа сухой и желтоватой, как у гувернантки, не превратились ли её вьющиеся рыжие волосы в прямые, редкие и полуседые.

Пока таких изменений с ней не произошло, но мисс Торндайк обладала большим опытом и завидным упорством. Из пухленькой, румяной и весёлой девочки она довольно быстро сделала худую, бледную и грустную. Спать малышке разрешалось не больше пяти часов. В её спальне и комнате для занятий окна были всегда распахнуты настежь даже в лютый мороз. Ходить и сидеть полагалось с идеально ровной спиной, говорить и смотреть в глаза собеседнику, только когда разрешат, читать и учить наизусть требовалось не меньше двадцати страниц текста в день.

На завтрак гувернантка приносила ребёнку кусок хлеба и молоко, разбавленное водой; на обед – пару ложек варёных овощей или супа; на ужин не полагалось есть ничего. При такой диете Амелия должна была бы скоро превратиться в ходячий скелет, обтянутый кожей, но слуги как-то умудрялись подкармливать девочку, хоть гувернантка глаз с неё не спускала. К самой же мисс Торндайк

прислуга относилась с презрением, слишком уж высокомерно вела себя учительница, считая себя выше по социальному статусу по сравнению с горничными и кухарками и постоянно подчёркивая это обстоятельство.

На самом деле, гувернантка сильно завидовала служанкам – они имели больше свободы, чем она, могли отдыхать после работы, заниматься своими делами, болтать между собой, кокетничать с мужчинами. Сама мисс Торндайк родилась в семье пастора. Отец держал её в строгости и, приходя домой после службы, рассказывал ужасные истории о своих прихожанах. «Каждый грешник получает по заслугам, – твердил он, гневно сверкая глазами. – Миссис Паркс, блудница, вся покрылась язвами и гниёт заживо! А, почему? Потому что, вероятно, изменяла своему мужу Эмосу! А скряга Лесли Филдс давно не ходил в церковь и не оставлял пожертвования – вот и лишился трёх пальцев на правой руке! Молись, Джорджия, дочь моя! Молись, как в последний раз! Гони от себя мысли грешные, ибо за них придёт скорая расплата! Посмотришь на мужчину – ослепнешь, скажешь что-то плохое – лишишься языка!»

В детстве мисс Торндайк часто молилась исступлённо до глубокой ночи, иногда засыпая прямо на полу. Её вера в нравоучения отца была так велика, что даже, став взрослой, Джорджия ещё долго боялась смотреть на мужчин. Впрочем, они тоже не стремились проявлять к ней интерес. Она никогда не отличалась особой красотой, старалась не улыбаться и при общении с представителями сильного пола тут же замыкалась. На лице у мисс Торндайк словно навсегда застыло недовольно-брезгливое выражение.

Получив прекрасное образование, Джорджия сразу устроилась на службу гувернанткой, стараясь выбирать работу с проживанием. Она не хотела жить в родительском доме. Отец к тому времени совсем выжил из ума, и девушке приходилось содержать его и свою мать.

Где бы ни приходилось работать мисс Торндайк, везде слуги относились к ней недружелюбно. Хозяева тоже не питали к учительнице нежных чувств. Хотя она и была хорошо воспитана и образована, но всё же являлась наёмной работницей, а, следовательно, была ниже по статусу и обращаться с ней следовало соответствующе. Часто и воспитанники гувернантки выказывали ей своё неповиновение и даже враждебность, особенно если они были чрезмерно набалованы своими родителями, прощавшими им любые выходки. С Амелией мисс Торндайк в этом плане повезло больше. Отец практически перестал интересоваться девочкой, и гувернантка могла поступать с ней так, как считала нужным.

За любую провинность, будь то даже неучтивый взгляд или недовольный вздох, мисс Торндайк строго наказывала воспитанницу: била её по пальцам, плечам и спине костяной ручкой своего зонтика, отчего возникали болезненные синяки, запирала в пыльном тёмном чулане с пауками или лишала скудного обеда. Рыжие кудрявые волосы девочки гувернантка самолично со всей силы стягивала в тугой узел и заставляла прятать под чепцом или шляпкой.

Частью воспитательного процесса были не только различные наказания, но и постоянные словесные унижения. Мисс Торндайк была убеждена, что похвала или одобрение вызывают в ребёнке завышенное самомнение и лень, а вот чем чаще называть девочку «лентяйкой», «грязнулей», «тупицей» и «мерзавкой», тем больше она будет прилагать усилий к исправлению своих пороков.

Каждый месяц гувернантка отчитывалась перед нанимателем об успехах его дочери. Он внимательно слушал, но сам Амелию не навещал. До сих пор он не мог отойти от внезапной смерти жены, а дочь была слишком похожа на неё, и незатягивающаяся рана в душе снова начинала «кровоточить», напоминая о потере любимой. Мистер Ричардс занимал высокий пост в министерстве. Он постоянно был в

разъездах, уходил в работу с головой, видимо, это помогало ему забыться и отвлечься от душевных мук.

Амелия редко встречалась с отцом, хоть они и жили под одной крышей. Иногда она видела его на лестнице второго этажа возле перил, когда они с мисс Торндайк возвращались с воскресной службы из церкви. Мистер Ричардс словно дожидался их прихода. Амелии всё время казалось, что он окрикнет её по имени, а потом спустится по ступенькам вниз, подхватит на руки и прижмёт к себе... Но отец всегда разворачивался и уходил в свой кабинет.

Однажды Амелия допустила ужасную ошибку. Как-то по весне, в один из погожих воскресных дней, они с гувернанткой возвращались домой. На улице было так солнечно и тепло, что даже мисс Торндайк ворчала меньше обычного. Девочка вошла в свой дом в прекрасном настроении и сразу заметила фигуру отца, стоявшую на лестнице, что вела на второй этаж. Он был на самой верхней ступеньке, но Амелия могла бы поклясться – на лице папы явно читалась радость, когда он увидел дочь. Он даже развёл руки в стороны и шагнул на ступень ниже. Конечно, малышка не смогла сдержаться. Она так долго ждала этого!

Амелия выпустила ладонь гувернантки из своих пальчиков и кинулась к лестнице, путаясь в подоле длинного пальто. Мисс Торндайк крикнула ей вслед что-то недовольное, но девочка уже скакала вверх по ступеням в объятия отца. Она видела, точно видела, как резкие черты на лице отца становятся мягче. Он улыбнулся ей. Ещё немного... Несколько ступеней... Девочка вытянула руки вперёд... И тут вдруг, обгоняя её, словно нечто живое, по лестнице пронеслась тень. Амелия успела заметить, что тёмное полупрозрачное нечто имеет отростки, похожие на щупальца. Тень скользнула к отцу, затенила его лицо, и девочка с ужасом заметила, как оно разом начинает каменеть, становится снова безразличным и угловатым.

Амелия резко затормозила и едва не споткнулась. Фигура отца выпрямилась. Он смотрел на неё холодно и недовольно.

